

ФИЛОСОФИЯ

УДК 820/89.0

ГЁТЕ КАК «ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» В ПРОЧТЕНИИ АМЕРИКАНСКОГО ФИЛОСОФА Р.У. ЭМЕРСОНА: СОПОСТАВЛЕНИЕ С ТРАКТОВКОЙ Л.Н. ТОЛСТОГО

Г.В. Алексеева

*Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба
Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», п/о Ясная Поляна, 301214, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается эссе американского философа-трансценденталиста Р.У. Эмерсона «Гёте, или Писатель» из его книги «Представители человечества». Автор эссе создает довольно объективный и убедительный образ немецкого поэта, временами перекликающийся с более поздней трактовкой этого художника Л.Н. Толстым, который, по всей видимости, был знаком с сочинением Р.У. Эмерсона еще в 50-е годы XIX в.; у Р.У. Эмерсона данный образ скорее сбалансированно сдержан, особенно по сравнению с восприятием писателя Т. Карлайлом. Образ И.В. Гёте в понимании философа, испытавшего на себе сильнейшее влияние этого олимпийца, дихотомичен: с одной стороны, это – эталон, образец писателя, крупнейший «представитель человечества» (*representative man*), а с другой – почти совпадение с будущей интерпретацией его Л.Н. Толстым, но не в столь развернутой и резкой форме: И.В. Гёте, по Р.У. Эмерсону, не может подчиниться нравственному чувству, а для американского поэта и философа высшей святыней является уникальность человеческой личности со способностью нравственного самосовершенствования.

Ключевые слова: Р.У. Эмерсон, И.В. Гёте, Л.Н. Толстой, яснополянская библиотека, восприятие, диалог

Материалы, хранящиеся в яснополянской библиотеке, позволяют с некоторой долей достоверности высказать мнение, что Л.Н. Толстой был знаком с эссе американского поэта и философа-трансценденталиста Р.У. Эмерсона еще в 50-е годы XIX в., о чем свидетельствует дневник молодого писателя (запись от 24 марта 1858 г.) (Толстой. Т. 48, с. 11). В немецком журнале “*Literarisches Centralblatt*”¹ молодой Л.Н. Толстой читал заметку о немецком переводе двух статей Р.У. Эмерсона о И.В. Гёте и У. Шекспире из книги «Представители человечества»

---

¹ *Literarisches Centralblatt*. 1858. Н. 11.

(“Representative Men”)². С определенной долей условности можно предположить: он обратил внимание на статью в немецком журнале в связи с тем, что философ уже был ему знаком по книге «Представители человечества», экземпляр лейпцигского 1856 г. издания которой имеется в книжном собрании Л.Н. Толстого (Библ., с. 331–332). Но наверняка мы это утверждать не можем, так как никаких других свидетельств о чтении Л.Н. Толстым сочинения Р.У. Эмерсона в конце 50-х годов не имеем. Кроме того мы не располагаем информацией, когда появилась в яснополянской библиотеке книга «Представители человечества». Л.Н. Толстой мог знать, слышать об этом американском писателе еще в 50-е годы, но не быть знакомым с его произведениями. Р.У. Эмерсон надолго войдет в орбиту читательских интересов русского писателя спустя несколько десятилетий, о чем свидетельствуют дневниковые записи мая – июня 1884 г., когда он обращается к книге «Представители человечества». Тем не менее мы вполне можем предположить, что эссе, о котором пойдет речь, было знакомо Л.Н. Толстому еще с 1850-х гг.

Над книгой «Представители человечества» Р.У. Эмерсон работает в 40-е годы XIX в. Одно из входящих в нее эссе «Гёте, или Писатель» было написано на основе лекции, прочитанной в Англии, а весь сборник во многом был вдохновлен книгой Т. Карлайла «Герои, почитание героев и героические истории» (Карл.)³, хотя с концепцией героического у Т. Карлайла Р.У. Эмерсон не всегда согласен. В отличие от Т. Карлайла он подчеркивает достоинство всех людей, но выразителями духа времени, его символами становятся великие люди, писатели, поэты, художники, а великим человеком, подчеркивал Р.У. Эмерсон, может стать каждый. Он считал, что «в устройстве мира предусмотрен писатель, или, так сказать, – регистратор, долженствующий отмечать дела дивного духа жизни... Обязанность такого лица – воспринимать в свой ум факты; затем отбирать самые значительные и характеристические результаты своей опытности» (Эмерс.). Обозревая список литературных знаменитостей своего времени, Р.У. Эмерсон обращает внимание на самое, как он выражается, «поучительное» имя – И.В. Гёте. Он пишет: «Я изобразил Бонапарта представителем внешней стороны жизни и целей XIX столетия. Другая его сторона, его поэт – это Гёте; человек вполне обжившийся с веком, дышащий его воздухом, наслаждающийся его плодами; человек невозможный в прежние времена...» (Эмерс.), – то есть он подчеркивает современность И.В. Гёте, его невероятное соответствие времени и месту. Тот появляется в эпоху, когда в обществе ощущается вакуум ярких, незаурядных, героических личностей: «Поэта нет – есть дюжины стихотворцев; нет Колумба – а есть сотни шкиперов... нет ни Демосфена, ни Чаттама – но несметное множество парламентских и судебных говорунов; нет ни пророка, ни святого – есть школы для духовенства; ни единого ученого – зато бесчисленные ученые общества, дешевые издания, читальни, библиотеки для чтения» (Эмерс.). Таков фон, по представлению американского поэта, на котором восходит звезда немецкого писателя и мыслителя.

² Representative Men: Seven Lectures by R.W. Emerson. Leipzig, [Etc.]: Alphons Dürr, 1856. – (Dürr’s collection of standard American authors, v. 22).

³ Carlyle T. On heroes, hero worship, and the heroic in history. London: James Fraser, 1841. На русский язык книга переведена в 1891 г.

«Гёте сделался философом этой множественности. <...> его тонкий ум легко мог проникнуть сквозь них и набраться сил от природы, с которой он всегда жил в тесной связи» (Эмерс.). Автор выражает удивление, что И.В. Гёте сложился как личность и жил в небольшом городе, «в государстве незначительном, в государстве распавшемся, и в эпоху, когда Германия не играла в судьбах мира такой роли, от которой могло бы забиться гордостью сердце ее сына» (Эмерс.), но, между тем, не замечает в музее поэта следов провинциальной ограниченности и подчеркивает, что его гений свободен и самоуправен.

По мнению Р.У. Эмерсона, вторая часть «Фауста» – это философия литературы в стихах. Это произведение человека, сознавшего, что он одолел мифологию, истории, философии, науки и литературы разных народов энциклопедическим способом, сродни изысканиям в индийских и этрусских памятниках. Он заявляет, что И.В. Гёте всю жизнь оставался поэтом, «достойным самого великолепного лаврового венца» и что в отличие от Наполеона является героем: «...Он ударяет по струнам арфы с могуществом и изящностью героя», – и «душою своего столетия». «В горниле ума этого человека века – прошедшие и будущие, с их религиями, политиками и разнообразием мышления – разложились на первообразы и идеи» (Эмерс.).

Р.У. Эмерсон подробно, скрупулезно перечисляет все заслуги писателя, считая, что именно тот определил цель и законы изящных искусств. Что же касается его художественной манеры, то, согласно Эмерсону, «он писал весьма простым и сдержанным тоном; скорее умалчивая о многом, чем всё выражая, и всегда предпочитая ставить факт на место слова» (Эмерс.). Подчеркивая заслуги И.В. Гёте в науках, философ отмечает: «Благодаря редкой наклонности ума к простоте и единству, Гёте нашел ключ ко многим отделам природы» (Эмерс.).

В своем эссе автор не намеревается заняться критическим анализом многочисленных произведений И.В. Гёте, но удержаться от того, чтобы не упомянуть о «Вильгельме Мейстере» он не может. По мнению Р.У. Эмерсона, это первостепенный роман, в котором автор, в отличие, к примеру, от В. Скотта, не занимается «одеждами, положением лиц», а непосредственно (словно совсем по Л.Н. Толстому) – «духом жизни» (Эмерс.). Некоторые считают, подчеркивает философ, что даже «Гамлет» уступает этому произведению. По Р.У. Эмерсону, «ни один роман нашего столетия не сравнится с этим в прелести новизны, которая подстрекает ум, наделяет его многими основательными мыслями, верными взглядами на жизнь, обычаи и характеры; в ней столько славных указаний на руководство жизни, столько неожиданных проблесков из сферы высшей; и всё это без малейшего следа высокопарности или натяжки» (Эмерс.).

Р.У. Эмерсон предостерегает любителей легкого чтения, которые ищут в романе развлечения, от возможного разочарования. Книга, считает эссеист, полна «знания вечных законов; лица обрисованы так верно и тонко, немногими чертами и без всякого лишнего слова» (Эмерс.), эта книга навсегда останется новым, неиссякаемым источником. С его точки зрения, это произведение о переходе демократа к аристократам, причем оба термина понимаются в самом высоком смысле, и переход, подчеркивает он, «совершается не ползком, не какими-нибудь происками, но через парадную дверь» (Эмерс.). Р.У. Эмерсон приводит слова Новалиса о том, что этот роман остался его любимым чтением.

Рассматривая творчество И.В. Гёте с позиции англо-саксонского читателя, Р.У. Эмерсон отмечает одно свойство писателя, характерное для всей нации: это – постоянная подчиненность своему внутреннему убеждению. В Англии и Америке, несомненно, ценят талант и особенно довольны, когда он служит интересам общества. «Но германскому духу не достаёт игривой французской веселости, тонкого практического смысла англичан и американского удалства; в нем есть некоторая честность, не останавливающаяся на поверхности предпринятого и исполненного, но сейчас же спрашивающая: “С какою целью?” Германская публика требует засвидетельствованного чистосердечия. Здесь видна деятельность мысли, но к чему ведет она? Что хочет этим сказать нам человек? Откуда, откуда набрался он таких мыслей?» – вопрошает американский поэт и философ (Эмерс.).

Р.У. Эмерсон уверен, что одного дарования, таланта мало для писателя, потому что за произведением должна стоять личность, имеющая свой принципиальный взгляд на мир и общество, свою позицию, которой он остается верен при любых обстоятельствах: «В этом-то и состоит долг и призвание писателя в здешнем мире: видеть насквозь факты и свидетельствовать о них миру» (Эмерс.). Не об этом ли пишет Л.Н. Толстой в своем трактате «Что такое искусство?» (Толстой. Т. 30, с. 27–203). Хотя И.В. Гёте там и фигурирует, но как ложный авторитет, чье искусство, по Л.Н. Толстому, «разъединяет людей». Если же у писателя нет позиции личности, то «какая нам нужда до его ловкости, красноречия, блеска?» (Эмерс.). По мысли Р.У. Эмерсона, существует огромная разница в силе слова, за которым стоит человек и за которым его нет. Бывает так, продолжает он, что за статьей в ученом журнале или влиятельной газете видна не личность писателя, а скорее безответная тень, часто с определенным денежным или авантюрным интересом.

Что же касается творчества И.В. Гёте, в частности «Вильгельма Мейстера», то в каждой строке он встречает «глаза человека и убежденного, и решительного» (Эмерс.). Его энергия льется потоком, всё написанное им становится делом, и делом исполинским.

Переходя к сравнительному анализу И.В. Гёте с англо-американскими писателями, Р.У. Эмерсон с прискорбием признает, что те могут довольно бойко писать о греческих и латинских поэтах, могут провести годы с Платоном или Проклом, но это совсем не значит, что они придерживаются высокой героики прошлого и пренебрегают привычными взглядами своего конкретного городка. В этой связи исследователь подчеркивает простодушие немцев, говоря, что студенты, выйдя из аудитории, продолжают обдумывать услышанное, а профессора верят, что философские истины можно каким-то образом применить к Берлину или Мюнхену. И.В. Гёте, плоть от плоти германской нации, не только говорит силой своего таланта, но «из-за него светит истина» (Эмерс.), сквозь его талант просвечивает глубокая мудрость. Влияние поэта на читателя не заканчивается только прочтением его произведения, подспудно оно остается с читателем навсегда. От Творца, этого «Предвечного гения», этому земному гению, по мысли Р.У. Эмерсона, досталось больше, чем кому-либо другому.

Тем не менее автор эссе не уверен, что «Гёте достигнул той высшей области, с высоты которой говорили нам иные гении. Он не благоговел пред верховным единством; он не был способен подчиниться полновластию нравственного чув-

ства. <...> Есть писатели, беднее его дарованием, но чище его настроением и трогательнее для сердца: Гёте никогда не может быть дорог человечеству», – заключает он совсем по-толстовски (Эмерс.).

Р.У. Эмерсон полагает, что И.В. Гёте чтит истину только ради своей любви к образованности. Он – представитель цивилизации, любитель всех искусств, наук, событий; он художественен, но не художник; проникнут духовностью, но не духовен. В мире нет такой вещи, которой бы он не имел права узнать; в арсенале гения вселенной нет такого оружия, которого бы он не взял в руки, строго наблюдая, чтоб не быть им задетым хоть на одну минуту. Он снял портрет и с лукавого демона, и со святого, который видел демона, и метафизические данные были облечены в художественные образы: «Самое благочестие не есть цель, а только средство приобрести с его помощью глубокий внутренний мир и достигнуть высочайшей образованности», – считал И.В. Гёте (Эмерс.). Проникновение писателя во все тайны изящных искусств, полагает Р.У. Эмерсон, всё более и более делает его «скульптурно-великим»: «Его привязанности служили ему, как женщины, употребленные Цицероном для выведения тайн заговорщиков. Вражды он не знал. <...> Привет и врагу, но врагу в высоком смысле. Он слишком дорожил временем, чтоб ненавидеть» (Эмерс.).

Автобиография И.В. Гёте «Из моей жизни: Правда и вымысел»⁴ отражает идеи, уже усвоенные немцами, но, по мнению Р.У. Эмерсона, они просто неслыханны в старой и новой Англии: в частности, что человек живет для своего просвещения, а не ради того, что может свершиться с ним. Умный человек может смотреть на себя объективно, тогда его ошибки и разочарования будут для него столь же занимательны, как и успехи. Эту мысль автобиографии американский философ особенно выделяет. Он подчеркивает главную идею «Правды и вымысла»: в книге есть отбор событий, но нет переписки, нет подробностей о службе, то есть внешняя сторона событий не столь значительна для И.В. Гёте. Л.Н. Толстой считал, что в этом произведении «нет искренней передачи впечатлений и чувств» (Мак., с. 228), тем не менее он попросил Д.П. Маковицкого найти в яснополянской библиотеке в 1906 г. именно автобиографию И.В. Гёте, когда собирался писать свои «Воспоминания», и прочел ее до конца.

Сила И.В. Гёте, считает Р.У. Эмерсон, проистекает из его стремления к просвещению, которое составляет дух его творений. Он сравнивает поводы, по которым книги пишутся в Англии и Америке, при этом цель И.В. Гёте кажется ему истинной и, как всякая истина, способной воодушевлять. Исследователь сближает И.В. Гёте с Наполеоном: «...Оба они были представителями силы и реакции природы против высокомерных условий и предрассудков. Это были два твердых реалиста, которые со своими последователями наложили топор на корень дерева лицемерия и затверженной болтовни – в свое время и на все будущие времена!» (Эмерс.) (Хотя на Наполеона, как, впрочем, и на И.В. Гёте, Р.У. Эмерсон в своем эссе о французском императоре, смотрит весьма критически, что особенно, как известно, импонировало Л.Н. Толстому).

Размышляя о назначении гения, Р.У. Эмерсон пишет, что оно заключается в том, чтобы «не позволять никакому лживому вымыслу проникать в среду

---

⁴ Goethe. Aus meinem Leben: Wahrheit und Dichtung. Tübingen, 1811.

человечества, осуществлять всё доступное нашему знанию; требовать от высокой утонченности теперешнего образа жизни, от искусств, наук, от книг и от людей неуклонной правдивости, дальности и определения себе цели – во-первых. Во-вторых, до конца и до бесконечности воздавать каждой истине должный почет практическим ее осуществлением» (Эмерс.).

В завершение автор заявляет, что И.В. Гёте – это «бодрый труженик, без всякой популярности или вызова извне почерпнул все побуждения, все предназначения из своей собственной груди; сам задавал себе задачи, достойные исполина и, без послабления, без отдыха, проработал восемьдесят лет со всем рвением первоначального побуждения, находя отдохновение в одной перемене занятий» (Эмерс.).

В своем сочинении Р.У. Эмерсон создает довольно объективный и убедительный образ немецкого поэта, который частично перекликается с более поздней трактовкой этого художника Л.Н. Толстым. У Р.У. Эмерсона он скорее сбалансированно сдержан, особенно по сравнению с восприятием И.В. Гёте Т. Карлайлом, который называл его «Пророком», кому Божественное открылось бы в самых низких и самых высоких формах обычного (Карл.). Образ И.В. Гёте в понимании Р.У. Эмерсона, испытавшего на себе сильнейшее влияние этого олимпийца, дихотомичен: с одной стороны, эталон, образец писателя, крупнейший «представитель человечества» (*representative man*), а с другой – почти совпадение с будущей интерпретацией немецкого писателя Л.Н. Толстым, но не в столь развернутой и резкой форме: И.В. Гёте, согласно Р.У. Эмерсону, не может подчиниться нравственному чувству. Для американского поэта и философа-трансценденталиста высшей святыней является уникальность человеческой личности со способностью нравственного самосовершенствования.

Источники

- Эмерс. – *Эмерсон Р.У.* Нравственная философия. – URL: http://krotov.info/library/26_ae/me/rson_01.htm, свободный.
- Библ. – Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание: в 3 т. – Тула: Ясная Поляна, 1999. – Т. 3: Книги на иностранных языках. Ч. 1. – 700 с.
- Карл. – *Карлайл Т.* Герои, почитание героев и героические истории. – М.: Эксмо, 2008, – 864 с.
- Мак. – *Маковицкий Д.П.* У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. – М.: Наука, 1979. – Кн. 2: 1906–1907. – 687 с.
- Толстой. – *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. («Юбилейное»): в 90 т. – М.; Л.: Худ. лит., 1928–1958.

Поступила в редакцию
18.03.18

Алексеева Галина Васильевна, кандидат филологических наук, заведующий отделом научно-исследовательской работы

Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

п/о Ясная Поляна, Щёкинский р-н, Тульская обл., 301214, Россия

E-mail: gala@tgk.tolstoy.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 4, pp. 964–970

**Johann Wolfgang von Goethe As a “Representative Man”
in Interpretation by the American Philosopher Ralph Waldo Emerson**

G.V. Alekseeva

*The State Memorial and Natural Preserve “Museum Estate of Leo Tolstoy “Yasnaya Polyana”,
Yasnaya Polyana, 301214 Russia
E-mail: gala@tgk.tolstoy.ru*

Received March 18, 2018

Abstract

The article is based on the material of L.N. Tolstoy’s personal library at Yasnaya Polyana and discusses his reading interest in the essay by Ralph Waldo Emerson, an American poet and transcendentalist philosopher, included into his book “Representative Men”, a copy of which has been preserved in the writer’s book collection. An assumption has been made that R.W. Emerson’s essay “Goethe; or, the Writer” published in the above-mentioned book was familiar to L.N. Tolstoy as early as the 1850s. As decades passed, R.W. Emerson remained for long among L.N. Tolstoy’s favorite readings. From this fact, a number of extracts from R.W. Emerson’s article about J.W. v. Goethe have been considered in their actual or possible dialogue with certain ideas of the Russian writer. R.W. Emerson’s opinion on J.W. v. Goethe’s works expressed through such notions as “duty”, “writer’s vocation” coincides with L.N. Tolstoy’s view set out in the essay entitled “What Is Art?” (“*Что такое искусство?*”). Quite in the spirit of L.N. Tolstoy sounds R.W. Emerson’s idea that J.W. v. Goethe “cannot be precious to humanity” as he was not capable of obeying “the unlimited power of moral duty”. R.W. Emerson was confident that a raw talent alone is not enough for writing: behind any work should be an individual having his own principled view on the world and society. The mentioned similarities make the image of J.W. v. Goethe in R.W. Emerson’s perception dichotomous: on the one hand, he is a standard, a role model of the writer, while, on the other hand, J.W. v. Goethe was incapable of obeying the sense of morality, which prevented him from realization of the uniqueness of human personality.

Keywords: Ralph Waldo Emerson, Johann Wolfgang von Goethe, Leo Tolstoy, Tolstoy’s personal library at Yasnaya Polyana, perception, dialogue

⟨ *Для цитирования:* Алексеева Г.В. Гёте как «представитель человечества» в прочтении американского философа Р.У. Эмерсона: сопоставление с трактовкой Л.Н. Толстого // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 4. – С. 964–970. ⟩

⟨ *For citation:* Alekseeva G.V. Johann Wolfgang von Goethe As a “Representative Man” in Interpretation by the American Philosopher Ralph Waldo Emerson. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 4, pp. 964–970. (In Russian) ⟩